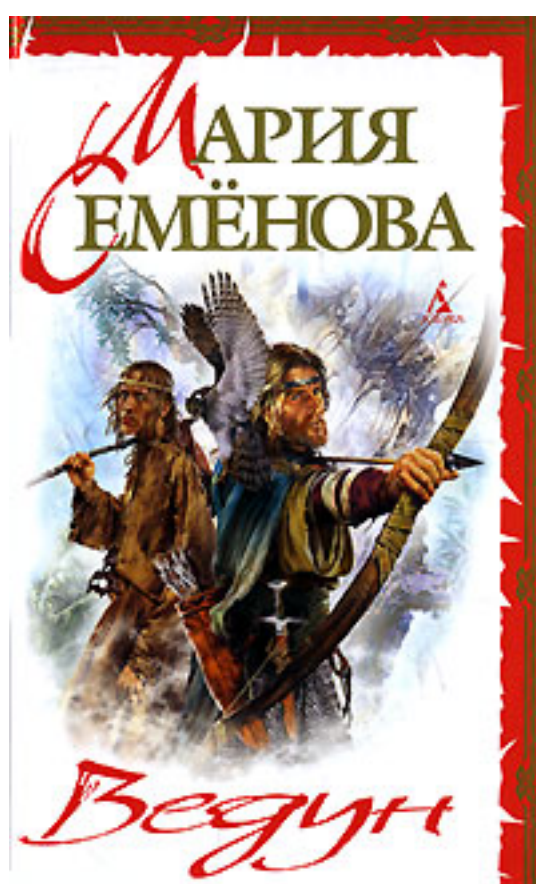

Мария Семёнова

Ведун

«Азбука-Аттикус»

1985

Семёнова М. В.

Ведун / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус», 1985

ISBN 978-5-457-48857-1

ISBN 978-5-457-48857-1

© Семёнова М. В., 1985

© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

1	5
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мария Семенова

Ведун

1

Был у меня конь, но коня я потерял. И кой день уже шёл через леса пеш. Щит висел у меня за спиной, а кольчуга и шлем – у пояса, в кожаной сумке. Кого другого эта ноша утомила бы, я же шагал легко. Я к ней привык.

Я шёл древней гарью, давным-давно заросшей отборными кремлёвыми соснами. В таком бору не встретишь слабого дерева, но один великан возвышался даже над ними, словно могучий гридень в стайке мальчишек. Я разглядел его с дальней прогалины и долго шёл к нему лесом. И тёмная вершина плыла впереди, медленно приближаясь ко мне. Но потом я вышел на открытое место и увидел сосну, как человека – во весь рост. Голову великана венчала косматая шапка, но нижние сучья были мертвы и торчали в стороны, словно голые кости...

Я прикрыл глаза, и испепеляющий гнев Бога Огня взвился передо мной из давно остывшей золы. Я услышал почти наяву, как ревело ненасытное пламя, поглощавшее лес. Я увидел, как медведи и лоси бок о бок бежали от гибели – и не успевали спастись. А деревья – деревья не могли даже бежать...

А потом улёгся мертвенный пепел, и долго-долго не пролегало по нему ни единого живого следа. И стоял над потухшим кострищем одинокий, искалеченный, но всё-таки выживший исполин. Стоял, вздымая к небу обугленные кулаки. И плакал трудными медленными слезами. Не о себе. О высокорослых братьях, с которыми ему не выпало единой судьбы.

Теперь вокруг него шумела новая поросль. И дый из правнуков похвалялся силой и статью. И сам был уже дедом.

Я подошёл... Подножие сосны окружала оградка, и чьи-то руки вбили в неохватный ствол клыкастые челюсти вепря. Цветные лоскутки трепетали на ветвях ближних кустов. Висело даже вышитое полотенце с изображением Макоши – Матери Наполненных Коробов... Такие ткнут в великой нужде. Дереву поклонялись.

Склонился перед ним и я. Снял шапку, коснулся пальцами травы и постоял так. Потом развязал котомку: там у меня лежало ещё немного еды. Пусть достанется птицам, свившим гнёзда на священных ветвях.

Зеленей, могучее древо! Стой под солнцем в угрюмой и горделивой красе, и пусть твой род никогда не переведётся на этой земле. Пусть больше не коснется тебя ни огонь, ни топор, ни болезнь!.. Каково было тебе стоять одному и проклинать смерть за то, что не добила, – это я ведал слишком хорошо.

Отойдя от дерева, я оглянулся. И поклонился ему ещё раз.

Страшись в лесу не зверя, страшись незнакомого человека! Он сидел на гнилом бревне в двух шагах от тропинки. И смотрел на меня так, будто знал, что я здесь пройду. Он был молод и плохо одет. Он был один. Я его не боялся. Я не ускорил и не замедлил шагов: он того не стоил. Когда я поравнялся с ним, он сказал:

– Помоги, добрый человек.

Похоже было, он ожидал меня давно. Я остановился. Двое-трое лихих людей наверняка уже крались у меня за спиной. Ничего. Я успею услышать.

– Здесь живут недалеко, – сказал я ему.

Он опять улыбнулся. Он был тонок в поясе и узкоплеч, глаза слишком большие на прозрачном лице. Густые волосы схвачены на лбу ремешком. А за спиной у меня было тихо. Только ласковый ветер дышал запахом разогретой смолы.

– Боюсь, не дойти мне засветло одному, – проговорил он негромко. – Слаб я... болел.

И почему я не шагнул мимо, бросив через плечо – вот беда, не сегодня, так завтра дойдёшь!.. Сам я никогда помощи не просил. Не привык. Срамом считал. Да и на что в дороге хворый товарищ, маета одна!.. Я дал ему руку. И он поднялся, оказавшись мне по плечо. Впрочем, сверху вниз на меня смотрели немногие.

– Меня Братилой звать, – сказал он виновато. Я промолчал. Имя – часть души человеческой, годится ли поминать её всуе? Мало ли...

Так мы и пошли с ним дальше: я и этот Братила, опиравшийся одной рукой на посох, а другой – на мой локоть. Руку я дал ему левую. Правая, она для меча. Правую в дороге не занимай.

А потом чаща разомкнула перед нами свои зелёные двери, и я увидел людей. Друг за дружкой двигались по хлебному полю жнецы, мерно взмахивавшие серпами. Поле было общинное, работали всей деревней. Иные уже кончили и знай насмешничали, подбадривая соседей. А уж те старались вовсю! На моих глазах молоденькая девушка полоснула себя по руке и пала на колени, спешно перевязывая рану. Другие жнецы быстро оставляли её позади.

Но вот она выпрямилась – и увидела меня. Братила-то сидел на земле, не в силах перевести дух. Девка испуганно крикнула, указывая серпом. Люди побросали работу, сидевшие разом обернулись, и я услышал:

– Хлебный Волк!..

Когда убирают хлеб, дух созревшего поля отступает перед разящим железом, пока не затаится в самом последнем снопе. И горе тому, кому достанется этот сноп! Сжавшись в комок, в нём сидит невидимый Волк. Тот, что всё лето весело играл тугими колосьями, заставляя поля волноваться на свежем ветру. Теперь его плодородная сила исчерпана. Теперь он способен творить одно только зло.

Потому-то последний сноп вместе с волком часто оставляют в поле – Богу Волосу, наполняющему ключницы зерном. Пусть следующим летом гуще вырастет его рыжая борода – золотой хлеб. А не то всё же срезают этот сноп и вручают припозднившемуся в работе жнецу: пусть-ка подкинет злого Волка в соседнюю деревню, отведёт беду от своей! И если соседи, поймав, наставят ему синяков, то и поделом растопыре...

А стоит не углядеть – Хлебный Волк выскочит из снопа и прикинется человеком. Незнакомым, чужим человеком, вроде меня. И берегись незадачливый странник, если только ты взаправду не дух! Благодарю судьбу, если просто поколотят и с гиканьем бросят в реку, заклиная будущий дождь... Могут ведь и убить. Ибо иначе хлебное поле перестанет родить. И тогда – не то что вымолвить, помыслить страшно – голод!

Когда они двинулись ко мне всей кучей, держа наготове кто палку, кто серп – я не побежал. Я хаживал в битвы под славным княжеским стягом. Рядом с самим Вадимом Хоробрым – по правую руку! Кто не жил в дружинной избе, тому не понять. И я видел, как идут в бой датские викинги. Шлем к шлему, топор к топору! Если уж я не бегал от них...

Два верных товарища были у меня здесь. И один из них – железный. Я откинул плащ с правого боку и положил руку на меч.

Они остановились. Они были похожи на свору собак, гнавших зайца и встретивших матёрого волка. Лес так и звенит от свирепого лая, но подходить первым – на верную смерть – я ведь тоже не шутил... И тут над моей головой свистнули в полёте стремительные крылья: я сразу узнал птицу, но и то, кажется, вздрогнул. Белая молния сорвала шапку со стоявшего

ближе других. Тот пригнулся, отскакивая, а кречет привычно сел на моё плечо и стиснул его сильными лапами, прокричав вызывающе и гордо. Мой второй товарищ тоже готов был за меня постоять.

Жнецы начали переглядываться. Небось не всякий день являлся к ним сюда изрубленный в сечах воин, да ещё с белым соколом на плече. Я понял, что теперь мне следовало действовать быстро: выдернуть из ножен меч и проложить себе путь, пока не взяли в кольцо. И пусть пеняет на себя тот, кто посмеет загородить мне дорогу. Чтобы думали следующий раз, кого принимать за Хлебного Волка!..

О Братиле я успел уже позабыть. А он вдруг появился из-за моего плеча – да и пошёл себе прямо вперёд, попросту отодвинув рукой кого-то из нападавших. Я и не понял сперва, куда это он шёл. Но потом увидел: поранившаяся девчонка стояла на коленях в колкой стерне, сжимая больную руку здоровой. Из-под её пальцев, из-под наспех наложенной повязки бежал алый ручеек.

Две женщины хлопотали около неё, готовя жгут. Братила отстранил и их. Опустился наземь рядом с девчонкой. Взял её руку в свою и принялся разматывать повязку.

Я со стуком вдвинул меч в ножны: он не пригодится мне сегодня. Жнецы по одному покидали сдвинувшийся было круг и уходили смотреть. Пошёл и я: мне было почти досадно, что так и не довелось их проучить.

Веснушчатая девка была одета не лучше самого Братилы: рубашонка – заплатка на заплате, ноги вовсе босые. Русая коса растрепалась, в глазах – страх.

– Уймись, руда непослушная, – глядя кровоточившую руку, тихо проговорил Братила. – Тебе приказываю: уймись...

Тут-то ахнули разом все, кто смотрел. Алый ручеек поредел на глазах! Девчонка закусила губу: не припомню, чтобы кто смотрел на меня, как она в тот миг на Братилу. А он продолжал по-прежнему тихо:

– Два брата камень секут. Две сестры в двери глядят. Две старухи в воротах стоят. Ты, бабка, воротись, а ты, кровь, утолись. Ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись! Ты, брат, смирись, а ты, кровь, запрись! А будь слово моё крепко!..

Кровь совсем перестала течь. Братила бережно отёр руку и снова перевязал. И девка тут же испуганным зайчиком кинулась прочь, забыв даже поблагодарить. Братила улыбнулся вслед своей виноватой улыбкой. Она всё-таки кончит жать самой последней, и кто-нибудь из парней срежет последний сноп, метко запустив серпом. Свяжут страшное чучело Волка и отдадут его ей...

– Уж ты, батюшка ведун, не серчай на нас, непутёвых, – согнулся перед Братилой тот, кого едва не поклевал мой Морозка. – Обознались...

У него на серебряной бляхе богатого ремня красовался ведомый мне знак: прыгающая рысь. Так метили своё добро кременецкие князья. Стало быть, я почти пришёл...

– Не побрезгуй хлебом-солью, господине, – кланяясь, продолжал жнец. У него был крутой возлысый лоб и глаза охотящегося лиса. – Остался бы, пожил у нас...

Вот и расстался я с Братилой: не жаль. Вызвать бы ещё только, какая тут ближняя дорога в Кременец... Морозка снова крикнул, переступил на плече, жёсткие перья коснулись моих волос. Братила оглянулся на меня – я это почувствовал – и сказал:

– Да не один я тут, добрый хозяин.

Ох и не привык же я ходить за кем-то в меньших товарищах! Единственно за князем, но то разговор особый! Я рывком повернулся к Братиле... но встретил его удивлённые чистые глаза, и ярость во мне погасла. Сразу. Как и не бывало её. Братила в мыслях не держал чинить мне обиду. Просто хотел, как поучают старые люди, отплатить добром за добро...

А в остальном деревня Печище ничем меня не удивила. Я их, таких, не две и не три повидал ещё дома, в Ладогe, когда Вадим Хоробрый ходил с нами по дань. Только у нас жила всё больше ижора да весь. Там почти не сеяли хлеба, лесной народ кормился тем, что давали озёра да зелёная чаша. Дома у них держались на срединных столбах, укрывались крышами из корья, огораживались заборами из косых жердей, не всякому волку перескочить. Здесь же обитало словенское племя: добрые рубленые избы в ряд стояли по высокому берегу речки. Много, целых восемь дворов. Большая деревня, богатая. Любо остановить глаз.

От леса её отделяли старопахотные поля, давно уже превратившиеся из кормильцев в сторожей: не подойдет незамеченным ни зверь, ни человек. А поодаль дымила труженица-кузня, и звонко разносились в предвечерней тиши мерные удары ковадла.

Я шёл следом за старейшиной и Братилой и думал о том, что он, Братила, кажется, поступил со мной добрее, чем я с ним. А впрочем, не всё ли равно...

2

Вот уже несколько дней мы жили в доме старейшины. Другие сельчане звали его чаще не по имени, а по прозвищу: Лас. Имя ведь дают при рождении, ещё не ведая, каким вырастет дитя. А вот прозвище надевают, точно гривну на шею – за дела. И бывает, что прирастает такая гривна к человеку крепче собственной кожи: так и тут. Старейшина вправду был ласков и угождал нам с Братилой, чем мог. Но достаточно было посмотреть, как жилось у него рабам!.. Я и смотрел. И, как водится, мотал себе на ус.

Морозка, ловчая птица, в своём деле равных не ведал. Любо было глядеть, как он уходил с руки ввысь, в синее небо. Будто в дом отеческий после долгой разлуки. И как, настигнув добычу, без промаха бил железными когтями. И спешил вернуться ко мне, ожидая – похвалит ли хозяин?

Я часто отправлялся с ним то в поле, то в лес, и мы никогда не возвращались пустыми. Вот и в тот раз я нёс на ремешке двух селезней, беспомощно свесивших радужные шейки. Ласовы чернавки ощиплют их да и бросят в кипящий горшок.

В тот день я встретил дикого тура... Вот уж не знаю, кто из нас больше удивился неожиданной встрече: я или этот громадный чёрный бык с белой полосой вдоль хребта. Мы столкнулись нос к носу на звериной тропе, в зарослях орешника, отягощённого грузом ещё не созревшего урожая. Я увидел тура и остановился, замерев. Замер и он.

Он был так близко, что я ощущал запах его шерсти. Я видел глаза, близоруко рассматривавшие меня из-под длинных ресниц. И широкие ноздри, напряжённо вбиравшие воздух. И огромные, грозно вытянутые рога, способные опрокинуть медведя и распороть брюхо коню. Это был лесной князь! Никто не осмеливался встать у него на пути. Только во всем подобный ему самому. Но это будет позже – по осени, когда на дубах вызреют жёлуди и начнётся великая пора турьей любви...

При мне не было ни коня, ни копья. Я стоял не двигаясь и ждал. Но зверь так и не бросился на меня. Очень медленно он поднял тяжёлую голову, повернулся и пошёл прочь.

Он уходил доверчиво и гордо. Он признал меня равным себе. И нам с ним нечего было делить в этом лесу. Он очень не хотел открывать мне свою хромоту, чтобы я не посчитал его уход отступлением. Но мы оба были старыми воинами, и я разглядел свежие шрамы у него на бедре.

Мне случалось охотиться на туров, когда их поднимали в чаще княжеские выжлецы. Я видел, как могучие быки прогоняли прочь робких туриц и одни встречали погоню, бесстрашно и яростно принимая свой последний бой. Видел их и мёртвыми – павшими достойно... Но я понял, что лишь нынче мне выпало узреть лесного бойца в его настоящем обличье. Величественным и спокойным, исполненным той мощи, которую мало чести пускать в дело по пустякам. Истинным князем, что сидит в своей гриднице меж бояр, опершись о меч, вложенный в ножны...

Я подождал, пока он скроется из виду. Следовало уйти и мне: такой уж получилась наша с ним клятва, данная без слов. Но в моей суме лежала добрая краюха: тур, приносившаяся, должен был учуять не только железо, но и хлеб.

Рано или поздно лесной князь вернётся проверить, сдержал ли я обещание... Я положил краюху на тропу и ушёл. Мне, привыкшему сражаться, было почему-то радостно оттого, что рогатый воин впервые примет от меня не железо, а хлеб.

А ещё в тот день мой путь снова пролёг мимо священного дерева. Про себя я давно уже решил подарить ему новые кабаньи клыки и потому думал сегодня обойти его стороной, не

хотел тревожить с пустыми руками. Но услышал на поляне человеческий голос и не удержался, свернул-таки посмотреть.

Перед сосной стояла на коленях та самая девушка, что поранилась в поле серпом. Я уже знал, как её звали: Надёжа. Видно, крепко любил её давно умерший отец. Это было хорошее имя.

Надёжа горько плакала и всё кланялась дереву, отвечавшему ей отстранённым, высоко вознесённым гулом. Так у порога моего прежнего дома звучал не ведающий покоя прибор, и никто не знал, что за сила порождала его, день и ночь ворочаясь в бездонной глубине... А у подножия вешего древа, спутанная лыковой верёвкой, барахталась в траве голенастая курица. Вечером или ночью милосердная чаща пришлёт за ней вечно голодного лиса.

Потом я с удивлением разобрал имя Братилы... Ну и что, подумалось мне. Не больно широкоплеч, зато молод и пригож. Я не понял только, почему она решила просить помощи у сосны. Умылась бы над ковшиком да и приворожила милого приворотным заговором – ведь так, кажется, от века поступают девчонки? Или он чем обидел её, и она вымаливала ему погибель?.. Однако не дело слушать предназначенное не тебе, да ещё в таком месте, как эта поляна! И я хотел было уйти, так и не показавшись Надёже, когда заметил, что за ней наблюдали не только мои глаза.

Старейшина Лас не больно задумывался над именами для сыновей, называл их в том порядке, в каком они появлялись на свет: Первак, Другак, Третьяк. Только самого младшего, четвертуню, назвал Мстишей. Говорили, это жена наконец упростила его уважить деда мальчишек, её отца.

Старший сын Ласа, Первак, хоронился в подлеске, терпеливо дожидаясь, пока Надёжа пустится в обратный путь.

Мне не было дела ни до девушки, ни до парня: тем более, что я как-то сразу поверил, будто он ждал её там, намереваясь проводить. И опять я едва не ушёл... Но тут Надёжа поднялась и усталым шагом побрела по поляне, вытирая глаза.

Первак был охотником, привыкшим скрадывать зверя. Он возник перед нею так неожиданно, что она едва не ткнулась в его грудь. Я всё ещё думал, что он хотел обрадовать её и удивить. Но Надёжа рванулась от него прочь, и вместо лукавого смеха до моих ушей долетело отчаянное:

– Не тронь!

– Ягодка моя, – промурлыкал Первак. И пошёл прямо к ней – уверенно, не спеша. У неё блеснул в руке нож, но Первак ничуть не испугался. Сейчас этот нож полетит в сторону и исчезнет в траве. Но тут Первак глянул поверх её головы. И увидел меня.

Я по-прежнему не собирался лезть не в своё дело. Но неразлучный меч висел у меня при бедре, и боюсь, что рука моя лежала на рукояти. Во всяком случае, Первак замер на месте.

Морозка на моём плече развернул сильные крылья, вытянулся, угрожающе раскрыл клюв: не подходи!

Я увидел, как румянец на лице Первака сменила багровая краска. Что может быть хуже бессильной ярости и того стыда, который она порождает! Он ведь никак не ожидал встретить меня здесь. И он не мог надеяться, что сумеет меня одолеть. Девчонка не была мне ни сестрой, ни подругой; я почти не знал её, да и знать-то не хотел. Но я ни за что не стал бы объяснять этого щенку, и пусть бросается на меня, если больно охота! Но Первак, по-прежнему молча, повернулся и зашагал прочь. Унижение душило его, я это видел по натянутой, будто окостеневшей спине.

Унижение невыплеснутое, неотомщённое и жаждущее мести. Я знал, что провожаю глазами врага. Ладно, одним больше...

Только уже скрываясь за деревьями, Первак оглянулся. И грязными комьями полетели пакостные срамные слова!.. Я шагнул было вдогон, но остановился: никаким словом не обидишь хуже, чем молчанием. Он ведь поймёт, что промолчал я не со страху.

– Пойдём, что ли, – сказал я Надёже. И тут-то у неё хлынули слезы, неудержимые, как вырвавшийся из запруды ручей. Я смотрел на её прыгавшие губы и думал о том, что все девки устроены одинаково. Начинают бояться, когда весь страх миновал... А ещё казалось, будто с дерева слетела синица и села мне на ладонь. Вот так: доживёшь, как я, до седых волос и вдруг обнаружишь, что способен радоваться не только лютomu кречету на рукавице, но и такой вот глупой, доверчивой птахе...

– Будет реветь-то, – сказал я. – Пошли.

3

Думал я довести Надёжу до общинного поля и там распротиться, а не вышло! Взмолилась, упростила заглянуть к ним с братом, не погнушаться угощением. Я хотел отказаться – у этой Надёжи навряд ли так ломился стол от еды, как у Ласа. Но вовремя вспомнил про Первака: придётся ведь сидеть с ним локоть к локтю – в блюде. И я сказал: добро...

Дом стоял на высоком речном берегу, чуть на отшибе. Пять лет назад выстроил его здесь чужой для Печища человек – Надёжин отец. Издалека притёк он сюда с женой и двоими малыми детьми, попросил приютить... А до того дня в Печище жили лишь родичи, потомки одной-единственной большой семьи.

И пока, милостью задобренных приношением Богов, рос-хорошел на пригорке дом, на лице строителя пробивалась новая борода взамен обгоревшей. Лесное селение в три двора, где он жил раньше, дотла сгубил пожар.

Две руки да звонкий топор – чего ещё надо? Весёлая, ладная получилась изба. Стояла всем на загляденье, выхвалялась резным коньком на охлупне, солнцами да громовыми знаками на причелинах. Живи себе, радуйся, добра наживай!..

И не ведал счастливый мастер той славы, что ходила об омуте, куда гляделся с высокого берега его новый дом. Не знал, что люди издавна сторонились этого места, особенно же вечерами, когда солнце пряталось за лес... В бездонной яме под откосом обитал водяной.

Ничего не боявшиеся мальчишки редко отваживались купаться поблизости. Знали: чуть зазеваешься – и стреножит пловца зловещая судорога. И обовьется вокруг колен не то водоросль, не то чья-то мокрая борода. И всё, и только пузыри из непроглядной илистой глубины!

Знали ещё: водяной тот денно и ночью, без устали, грыз-подтачивал берег. И берег понемногу рушился в воду. Когда малыми горстками, когда целыми пластами земли, с гулом уносившими в омут то снасть, разложенную для просушки, то перепуганную козу... Но чужому человеку Печище ничего не сказало.

И настал день, когда снова вздрогнул обрыв. В туче взвившейся пыли сползла в реку половина огорода, принадлежавшего чужаку. А с огородом и хозяева, убиравшие репу. Надёжа с братцем Туром уцелели случайно: отец как почувствовал, послал в дом, велел принести корзину. Да не понадобилась та корзина...

Уцелела и изба. Не рухнула, лишь покривилась, осела, начала гнить. А берег с того дня навсегда перестал отступать. Каменная скала открылась в обрыве! Да и водяной присмирел, не стало его ни видно, ни слышно. Может, и вовсе перебрался в иные места. Печище откупилось...

Прежняя красавица изба была теперь сродни вдове, потерявшей защитника, кормильца, опору. Мужской руки не доставало в этом сиротском хозяйстве. Я и то сразу приметил десять дел, которые следовало бы сделать, а я привык жить в дружинном доме и думать больше о ратной княжеской службе. Поправить забор, покуда вовсе не развалился. Сменить в сарае подгнившие угловые столбы. А там приподнять и саму избу, выкинуть вон насквозь почерневшие брёвна. А того лучше – вовсе разметать сруб и сложить новый, выбрав для него местечко повеселей нынешнего, и долго будет стоять в доме смолистый сосновый дух... Так подумав, я припомнил, что у Надёжи был брат. И едва не спросил – да что ж он, бездельник!.. Хорошо, что не спросил. Этого Тура я единственного из всей деревни ещё не видел в лицо. Потому что с самой зимы парень сидел дома почти что безвылазно. Скорбела у него, говорили, не то рука, не то нога.

Надёжа забежала вперёд, растворила передо мной дверь... Я пригнулся и шагнул через порог.

Лишённая окон изба была совершенно темна. Сидевший в сырых потёмках не желал впустить свет хотя бы через дымогон. Надёжа затеплила лучину, воткнула её в железный светец над корытцем с водой. Изба озарилась: провисшая крыша, наверняка сочившаяся в дождь, низенькая печь-каменка справа от входа, полати, облезлая овчина на полатах... И я сразу увидел её брата. Рослый ширококостный парень сидел недвижимо на лавке, прижавшись худущей спиной к гладко выскобленным брёвнам. И смотрел на меня светлыми глазами ночной птицы, зрячими в темноте. Глаза внятно спрашивали: зачем пришёл? Без тебя жил, без тебя помирать стану. Уходи!.. А Надёжа вдруг схватилась за веник, и я увидел на полу остатки глиняной мисы, вдребезги разбитой о печь. Потом она кинулась к брату, обняла, зашептала на ухо:

– Пади, Тур, – разобрал я. – Пади...

Тур рванул плечом, отталкивая сестру. Его правая рука, работница, кормилица, лежала на лавке полено поленом.

Ладно!.. Я ссадил Морозку на сучок, вбитый в стену для одежды. И опустился на лавку.

– Угощай, – сказал я Надёже.

А у неё не было даже огня в печи. Она метнулась разжечь её, торопливо застучала горшками. Тур по-прежнему смотрел на меня злыми глазами, но помалкивал. Гостя лаять – совсем стыда не иметь. Надёжа выложила на чистую тряпицу хлеб – чёрствый, но ещё ничего. Достала головку пахучего чеснока. Положила передо мной обкусанную ложку и сняла с печи горшок. В отверстие печного свода ринулись искры, вылетел дым. Запахло кашей. Вкусной рассыпчатой кашей из дикого манника, какую готовят детям да больным. Я так и представил, как она студила босые ноги в предрассветной росе, собирая готовые осыпаться метёлочки: накормить хворого брата. А брат не ел. Морил себя голодом, швырял миски о печь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.